

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

РЕЛИГИОЗНЫЕ СЮЖЕТЫ Ч. АЙТМАТОВА: ЖЕРТВЕННОСТЬ ИЛИ ДУХОВНОСТЬ? (К 30-летию выхода романа «Плаха» в свет)

Аннотация. Тридцать лет назад роман «Плаха» Ч. Айтматова вызвал бурные споры и мировоззренческие размежевания. Многие читатели и критики недоумевали, неужели духовные искания должны непременно привести к религии? Есть на свете люди, чей духовный опыт подсказывает: существуют некие запредельные, трансцендентальные силы. Они верят в Бога, который принял страдание за человечество, потому что любит нас. Порой в душе человека рождается ощущение непосредственной близости к божеству, возможности прямого общения с Ним. Верующий молится в надежде, что Бог слышит его исповедь. У такого человека накапливается религиозный опыт, который помогает ему жить, преодолевать жизненные трудности. Такие люди убеждены в том, что тайна человеческой жизни сопряжена с особым, божественным предназначением. Но у многих людей такого религиозного опыта нет. Они полагают, что мир возник сам по себе, без вмешательства надличностного абсолюта. Эти люди ищут иные духовные опоры, не связанные с Богом, прежде всего в самом человеке, в раскрепощении сознания, в грандиозном творчестве людского рода. Говорить с ними на религиозные темы почти бессмысленно: душа ничего, кроме скепсиса, не рождает. Получается странный разговор: ты ему про Фому (Бог есть!), он тебе про Ерему (Бога нет!). Автор опирается на современные исследования по философии религии. Он исходит из того, что феномен религии всегда интересовал философов, историков, социологов. В то же время религиозные искания нашли отражение и в художественной литературе. Обратившись к роману Ч. Айтматова «Плаха», автор статьи пытается показать огромные изменения в общественном сознании России, которые произошли за последние тридцать лет. Религиозная мода захлестнула всё. Глаз равнодушно скользит мимо богомольной максимы, заменяющей призыв КПСС. Она начертана на транспаранте, который венчает широкую магистраль. Включив телевизор, мы бы вероятно, изумились, если бы не услышали православных бдений. Политический деятель, предлагая собственное жизнеописание, обаятельно упомянет о святоотеческих откровениях. Где же вы, непобежденные еретики? Что же на самом деле характерно сегодня для религиозной жизни России? Можно ли говорить о религиозном возрождении в нашей стране? Происходит ли объединение Церквей, или, напротив, религиозная практика приводит к раздробленности? Наконец, есть ли перспективы для развития экуменического движения в России? Все эти вопросы невозможно прояснить без участия внецерковных, гуманистически ориентированных мыслителей. Можно ли в нашей стране восстановить прерванную религиозную традицию? В результате тоталитарной деспотии многие люди вышиблены из своей национальной, религиозной и культурной ниши.

Ключевые слова: литература, искусство, богоискательство, атеизм, духовность, нравственность, личность, жертвенность, вера, искупление.

Abstract. Thirty years ago the novel 'The Scaffold' written by Chyngyz Aitmatov provoked intense debates and ideological disagreements. Many readers and critics wondered whether spiritual searches must necessarily lead to religion. There have been people whose spiritual experience prove that there are certain transcendental forces that are beyond our understanding. These people believe in God who suffered for the sake of humans because he loves us. Sometimes a person gets the feeling of being very close to the Divine and being able to communicate with God directly. The believer says a prayer in the hope of God hearing his confession. Such person attains religious experience that helps him to live and overcome difficult situations. These people believe that the mystery of human life refers to special divine mission. However, many people do not have such religious experience. They believe that the world was created on its own, without the interference of the transpersonal absolute. These people seek for other spiritual supports unrelated to God, first of all, in human himself, emancipation of consciousness and grandiose creativity of the humankind. It is almost pointless to discuss religious topics with them, because their soul cannot generate anything besides scepticism. This creates a rather odd conversation, interlocutors can't find a common language with each other, one trying to prove that there is God and the other one trying to say that there is no God. The author of the present article bases his work on recent researches conducted in the sphere of philosophy of religion. His presumption is that the religion phenomenon has always interested philosophers, historians and sociologists. Religious searches and insights have been also reflected in literature. Analyzing Chyngyz Aitmatov's novel 'The Scaffold', the author of the article tries to describe tremendous

changes in the social mind of Russians during the previous thirty years. Fashion for religiosity is overwhelming. We don't even notice that religious maxims have replaced the slogans of the Communist Party of the Soviet Union. They are written on the banner above the highway. When we turn on TV, we may feel even surprised if we don't see Orthodox vigils. Politicians always mention their religious revelations when telling us their biography. Where are you, undefeated heretics? What is actually typical for the religious life of Russia? Can we actually speak of religious revival in our country? Are the churches actually uniting or on the contrary religious practice causes disunity? Finally, are there prospects for the development of the ecumenic movement in Russia? All these questions cannot be answered without involving secular humanistically oriented philosophers and thinkers. Can we actually revive the abandoned religious tradition in our country? As a result of totalitarian despotism, many people have been knocked out of their national, religious and cultural niche.

Key words: *sacrifice, personality, morals, spirituality, atheism, God-seeking, art, literature, faith, redemption.*

Роман Ч. Айтматова ещё не был полностью опубликован в журнале, а уже появились в печати первые острые реплики, взыскательные отзывы. В этом нашло выражение понятное желание читателей, критиков как можно быстрее откликнуться на те социальные проблемы, которые волновали писателя. Сам Айтматов, отвечая на вопросы корреспондента «Литературной газеты», заметил, что ждёт серьёзного литературно-критического, если хотите, философского разговора о романе.

Мы как-то отучили себя от мысли, что художественное произведение даёт повод не только для разбора композиции или стилистических особенностей писательского творения. Оно является также фактом всей культурной, общественной жизни. Кому как не писателю надлежит не только отразить определённые стороны нашей повседневности, но уловить также болевые темы времени, смену жизненных и ценностных ориентации людей, нравственные искания эпохи. Да и читатель получает возможность выверить собственные ориентиры, сопоставить свой жизненный опыт с тем, что пропущено через сердце писателя.

Роман Айтматова, несомненно, обеспечивает раскату общественной мысли. Он вообще как бы провоцирует полемику, схлест идей, мнений. Что и говорить – необычен, прежде всего, главный герой романа – бывший семинарист Авдий Каллистратов, захваченный идеей богоискательства...

К этому персонажу стягиваются в конечном счёте едва ли не все сюжетные линии романа. Вместе со сборщиками дикой конопля-анаши он испытывает сладостное помутнение разума. Здесь, среди густых зарослей, прыгнула на него разъярённая синеглазая волчица, спасающая своих длинноногих переростков. А приехавшая на равнину женщина, которая произвела такое сильное впечатление на Авдия, позже станет его возлюбленной. Да и сюжет с Понтием и Иисусом помогает писателю раскрыть важные грани внутреннего мира главного персонажа. Соединение времён – через Авдия...

Распятый на низкорослом саксауле озверевшими подонками Авдий в смертный час заклинает волчицу Акбару спасти его... И над мировым пространством, как это откликается в угасающем сознании

страдальца, разносится молитва о затопленном корабле. Она – словно светлая песнь детства... Но и после гибели бывшего семинариста продолжит своё течение история о волчьих детёнышах, о преступлении и возмездии...

Итак, писатель воссоздал образ религиозного обновленца, верующего, который хотел бы упростить и осовременить богомольность. Но корни этой набожности всё равно уходят в традиционную религию. Авдий вступает в диалог с великомучеником, да и сам гибнет, повторяя судьбу Иисуса, только в каком-то прозаическом, но всё равно жутком варианте...

Естественно, среди критиков и философов разгорелся спор о том, правомочен ли писатель выбирать такого персонажа в качестве центральной фигуры повествования? Совместимы ли библейские персонажи, – спрашивают участники дискуссий, – с атеистическим мировоззрением? И хотя Айтматов ответил в печати на этот вопрос, недоуменные реплики множились. Не усматривает ли писатель духовную опору современного человека в религиозных исканиях? Не видит ли в набожности источник нравственных восхождений? В какой мере, вообще говоря, главный герой воплощает в себе философскую концепцию романа? Не передал ли Айтматов через Авдия некую собственную программу духовности и этических прозрений?

Нравственные скитания Авдия неотвратимо влекут его на плаху. Но судьба его вовсе не венчает произведения. К столкновению мнений вокруг «Плахи» побуждают и другие сюжетные линии. Критики, в частности, отмечали, что третья часть романа носит вполне самостоятельный характер. Она посвящена совсем иной судьбе. Здесь ярче проступает столкновение социальных типажей. Чабан Бостон Уркунчиев противостоит в этой части произведения двум персонажам – демагогу Кочкорбаеву и вырожденцу Нойгутову. Острота коллизий обретает тут особую непредсказуемость и действительность. Некоторые критики даже сетовали, что главным героем романа стал не Уркунчиев, а Авдий. Насколько, мол, всё было бы проще... И обошлось бы без богоискательских тенденций.

Уркунчиев действительно не похож на Авдия. Он более земной, реальный. Но в его трактовке тоже про-

ступают мотивы добра и зла, греха и возмездия. Этого героя, читатель помнит, также настигает кара. Он оказывается невольным убийцей своего ребёнка. И это уже не библейская тема, развёртываемая вокруг Авдия. Она, пожалуй, ближе к народному сказанию, к фольклорной притче. Казалось бы, тут могла возникнуть иная, более оптимистическая интонация. Но сюжет воздаяния вырастает и в третьей части романа, которая таким образом оказывается неотторжимой от двух предыдущих, образуя единый поучительно-нравственный каркас, общую тему рока.

Невозможно изъять из романа ещё одну сюжетную линию, которая оказывается сквозной, всепроникающей. Это история волчьей семьи Акбары и Ташчайнара, их гонимости и утрат. Выходит, в романе нет одного героя. А множество сюжетных линий устремляется в одно русло. Но при этом не обнаруживается стремление писателя сделать повествование последовательным, желание «досказать» все истории. Напротив, изложение распадается, а композиция скрепляется в основном общим этическим пафосом.

У волчицы Акбары унесли детёнышей. Вот и она, терзаемая лютой тоской, тащит человеческое дитя. Ничто не остаётся без отмщенья. И всюду страсти роковые... Так что же, человек беззащитен перед судьбой? Сотворил преступление один, а воздаяние настигает другого. Не повязаны ли люди общими узами нравственности? Не едина ли их участь? Не склонный к палачеству чабан Уркунчиев тоже вершит расплату. Он убивает своего недруга Нойгутова. Но тем самым множит и преступленья. Да и сам, судя по всему, гибнет в пучине Иссык-куля. «Волна вскипает, исчезает и снова возрождается из себя...», – пишет Айтматов.

Но все ли наказаны? В круговращении роковых событий, как это ни парадоксально, кара не выпадает на долю бездуховных, потерявших самих себя. Вот, например, члены моюнкумской «хунты», группа дельцов, которым поручено «выполнить» план по мясу. Это человеческое отребье, живущее по законам слепых, разрушительных инстинктов. Лишённые дома, веры, совести, они яростны в своих истязательных побуждениях. Эти люди и учинили кровавое побоище.

Читаю эти страницы романа и вспоминаю замечательную работу американского философа Эриха Фромма «Разрушительное в человеке». Философ попытался набросать психологический портрет таких типажей. Он назвал их некрофилами, т.е. людьми, заражёнными влечением к смерти. Некрофилов разжигает мучительная страсть к омертвевшему. А живое вызывает их трудногасимую ненависть. Ч. Айтматов с предельной достоверностью характеризует этот человеческий сброд, намекая на их идейное родство с нацистскими головорезами. Но о какой каре можно толковать применительно к

этим вырожденцам? Это уже не люди.

Ещё один повод для дискуссии – из глубины веков маячит трагическая фигура Иисуса Назарянина. Возникшая в древнем споре тема Страшного суда оборачивается в романе конкретными картинками. Безжалостное, тщательно спланированное, оснащённое техникой истребления сайгаков в саванне, злодеяние моюнкумской «хунты», трагедия в Прииссыккульских горах. Круговая порука искателей анаши, законы джунглей... Жуткие злоключения волчьей семьи. Потеря человеческого облика у тех, кто творит казнь, кто влеком в наживе, к наркотическим мгновениям сладчайшего расслабления. Нравственная ущербность Нойгутова, порождённая алкоголизмом, распадом личности. Тот, в ком живёт совесть, восходит на плаху. Остальные пребывают в мертвящем опустошении или упиваются кровью...

Не выстраивается ли всё это в некую религиозно-мистическую концепцию? Не означают ли события романа, что зло неотвратимо, что добро бессильно перед ним? И только жертвенное искупление рождает личность? Не заключена ли в символике романа – в этом смещении времён, вечном накате бурунов – идея искупительной жертвы? Некоторые критики уже высказали упрек писателю – не слишком ли абстрактно в романе противостояние разрушительному злу? Кто, собственно, воплощает в произведении светлое начало и как он борется за одухотворяющие идеалы?

Раскрывая замысел романа, Ч. Айтматов объяснил: «А название «Плаха», мне кажется, вытекает из содержания романа. Плаха – это не только помост, где совершают казнь, лобное место. Человек в течение своей жизни, так или иначе, оказывается перед плахой. Иногда он восходит на эту плаху, естественно, физически оставаясь живым, иногда не восходит. В данном случае название говорит о том, какой ценой даётся плаха, восхождение к ней, и есть ли в этом смысл, в этом пути на крестную муку».

Однако подчеркнём ещё раз, в романе на плаху восходят в основном рыцари истины. Бездуховные на крестную муку не обречены. Не подменяется ли, стало быть, духовность жертвенностью? Чтобы ответить на этот вопрос, недостаточно, разумеется, указать на образ Авдия, который открыто ищет смысл человеческого существования в обновлённом религиозном сознании, или на апокалиптические картины романа. Философская основа произведения, как мне кажется, нуждается в более тщательной реконструкции. Важно осознать, во имя какой общей идеи воссозданы эти персонажи, почему они несут на себе печать заклатья? Что, говоря в целом, побудило Айтматова к осмыслению столь необычного материала, в котором обращение к религиозности играет весьма существенную роль?

Огромная ценность романа – и это неоспоримо – в том, что писатель поднял острейшие социальные проблемы. Гражданская совесть Айтматова побуждает его говорить о темах, которые ещё несколько лет назад не звучали в советской литературе и, пожалуй, не могли звучать. Автор с глубокой проникновенностью отражает в произведении такие наболевшие вопросы, как надругательство над природой, хозяйственный кретинизм, подмена партийной работы демагогическим шкурничеством, всевластие групповой психологии, беспомощность здравого смысла перед развёртыванием заведённого порядка...

Но есть в романе, как мне кажется, глобальная тема, которая вбирает в себя всё проблемное многообразие произведения. Что же случилось сегодня с самим человеком? Писатель показывает, куда ведёт нравственное оскудение, чем чревата низменность чувств и поступков, каковы грозные следствия бездуховности. Такое движение писательской мысли, как мне кажется, не могло не натолкнуть его на проблему религиозности.

Ведь именно ощущение собственного бессилия перед роком обезличенных событий порождает и в наши дни религиозные чувства. Мистические настроения неизбежно возникают там, где человек ощущает себя безымянной фишкой.

Слабость философской концепции Айтматова вовсе не в том, что он представил нам фигуру некоего богоискателя. Проблема, на мой взгляд, сложнее: образ Авдия во многом умозрительен, он скорее сконструирован, чем выстрадан. Отсюда, надо полагать, и другие художественные просчёты «Плахи». Сильное эмоциональное впечатление несут в романе не отвлечённые раздумья о новом облике религиозности, о поиске искупления, а темы, более близкие писателю – судьба Уркунчиева, история волчьей семьи, бродяжничество анашистов.

Известная умозрительность отразилась и на композиции романа. Отмечалась уже в печати зыбкость сюжетного плана. Но наметилась и другая тенденция – некоторые критики склонны видеть за развитием событий сложное движение авгурской мысли. Этого, правда, нельзя отрицать, но всё же художественная логика не сродни «умственной заданности» конструкций. Айтматов сталкивает сюжетные линии не столько для выявления их внутреннего потенциала, сколько для иллюстрации тех или иных нравственных исканий. Архитектоника романа от этого явно проигрывает.

Скажем, начало горькой одиссеи гонцов за анашей явно сбивается на репортажную интонацию. И если события и обретают эмоциональный накал то лишь потому, что Айтматов описывает происходящее ещё и через мытарства волчьей семьи. Здесь рождается некое сопоставление разных позиций.

«Увиденное» волками даёт иную оценку жизненной ситуации. Но этот принцип обеспечивает эффект далеко не всегда. Распятие Авдия вовсе не оттеняет, как это можно предполагать по замыслу писателя, судьбу Уркунчиева. Здесь умозрительность даёт сбой.

Айтматов ищет героя, который был бы одушевлен поиском идеала. Таков, например, Авдий. Типичен ли данный персонаж? Воплощает ли он в себе некие реальные процессы современной духовной жизни? Современное богоискательство стало стойким феноменом. Миллионы людей отказываются от господствующей религии и пытаются создать новые варианты веры. В этих молодёжных религиях весьма заметен дух этических исканий. Юноши и девушки хотят понять Бога через нравственные заповеди... Верующие без церкви, так их называют, появляются и в нашей стране.

Однако поборники новой веры, как показала жизнь, сами обрекают себя на духовную ущербность. Да они критикуют идеалы, которые господствуют в западном обществе, но не могут избавиться от господствующих ценностей. Они провозглашают некие абсолюты, но вовсе не испытывают ради них крестные муки. Айтматов отразил в «Плахе» именно такого богоискателя, но он придал своему персонажу большую завершёность. Его Авдий не только покинул семинарию ради собственной идеи. Он всю свою жизнь посвящает спасению заблудших. Увлечённый своим героем, Айтматов, похоже, не видит, насколько наивны проповеди Авдия. Они на редкость доктринальны, абстрактны. Гораздо больше вековой мудрости и нравственного величия в образе Уркунчиева.

Рассуждения семинариста «не согласуются» с жизненным опытом тех, кому они адресованы. Поэтому в саморазвитии образа немало курьёзных черт. Они усугубляются ещё и тем, что писатель ведёт героя на плаху. Но ни рассуждения Авдия, ни его поступки, ни сама смерть не оставляют никакого следа в сознании тех, кто его окружает. Поэтому в «злодеянии» Уркунчиева – он убивает своего недруга – гораздо больше художественной логики, чем в жертвенности Авдия.

Роману присуща ещё одна особенность, которая вызывает к нему отчётливый интерес. Персонажи произведения испытывают определённое томление духа. Они не просто живут, совершают поступки, радуются или печалются. Люди обдумывают жизнь, её течение, ищут в ней осмысленности. Мне кажется, писатель уловил здесь характерную черту времени. Ведь никогда ещё потребность в связном, разумном сознании не ощущалась так остро, как в наши дни.

Мы привыкли считать, что думать о высоких материях человеческого существования – привилегия философов, писателей. Простых же людей волнуют лишь каждодневные заботы. Им не до абстрактных истин. Однако именно из повседневно-

ности рождается потребность в целостном мировоззрении. Чем отделен человек от остальной природы? Что в нём собственно человеческого? Сотворимо ли добро? Эти вопросы возникают невольно в контексте жизни каждого человека, если на глазах гибнет живое, если деформируются естественные человеческие связи, если жизненная логика выворачивается наизнанку.

Любопытно, что персонажи романа не только пасут овец, торгуют коноплём, заготавливают мясо или пишут газетные репортажи. У каждого из них своя философия жизни. Оправдывая свои поступки, они прибегают к аргументам, которые извлекают из самых неожиданных источников. Порою кажется, будто они готовы потратить духовные ресурсы всех времён прежде чем ступить шаг.

Вот, скажем, предводитель анашистов Гришан. Казалось бы, какая тут философия: собрал анашу, получил барыши и гуляй... Но не таков Гришан, он и философ, и психолог. Пытается не только распознать Авдия, но и выбить из-под него духовную почву. «Вполне логично, чёрт побери, – говорит он, – мы не можем обходиться друг без друга. И в этом есть, наверно, какая-то сволочная закономерность. Но не ликуй, Спаситель Каллистратов, твоя теория на практике ничего не даёт. Однако хватит философствовать, хотя ты и довольно занятый субъект...».

Да и свои поступки Гришан оправдывает, ссылаясь вовсе не на уголовный кодекс. Он воображает себя чуть ли не мессией. «Я помогаю людям изведать счастье, познать Бога в кайфе. Я даю им то, чего вы не можете дать ни своими проповедями, ни своими молитвами... Своих людей я приближаю к Богу куда оперативнее, чем кто-либо».

В этой нацеленности на одухотворённость – сильная сторона романа. Но в ней проступают и очевидные просчёты. Удивительно, что почти все персонажи романа говорят как будто одним языком. Айтматов словно озабочен не речевыми характеристиками персонажей, не поиском специфической лексики. Писатель торопится обозначить внутренний «расклад» той или иной идеи, как если бы она предстала в виде спора двух сторон.

Нередко характер просто «растворяется» в умственных дебатах. Диалог то и дело грешит стилизацией, многословием. Мыслящий герой – потребность времени. Но ведь философия персонажа выражается не только в том, с каким усердием он выстраивает аргументы, но во всем движении его внутренней жизни, Айтматовский Едигей тем и славен, что напряжённость его оценок далеко не всегда выражается в речениях... Стремление придать мировоззренческую наполненность своим произведениям проявилась у Ч. Айтматова не только в «Плахе». Но стоит, пожалуй, напомнить, что однообразие приёма подчас оборачивается против авторского замысла. Это особенно нестерпимо, например, в воссоздании бесед Понтия Пилата и Иисуса Назарянина. После прозы Булгакова, где так много простора для фантазии и царит дух невыраженной многозначительности, спор двух библейских фигур в «Плахе» то и дело сбивается на интонацию «круглого стола»...

Роман Айтматова ещё долго будет служить поводом для мировоззренческих оценок, споров... Решение острых социальных проблем, поставленных в произведении писателя, предполагает мобилизацию всех человеческих сил. И всё же, думается мне, жертвенность далеко не всегда сродни духовности.

Список литературы:

1. Айтматов Чингиз. Плаха // Роман-газета. 1985. № 11-12.
2. Айтматов Чингиз. Плаха. И дольше века длится день: Романы. Рига: Лиесма, 1986. 605 с.
3. Айтматов Ч. Цена – жизнь // Литературная газета. 1986. 13 августа. С. 4.
4. Айтматов Ч. Бостон, Кочкорбаев в романе и жизни // Литературная газета. 1987. 18 марта. С. 6.
5. Айтматов Ч. Ради наших детей // Советская культура. 1987. 15 мая. С. 2.
6. Косоруков А. «Плаха» – новый мир или новая реальность? // Наш современник. 1988. № 8. С. 141-152.
7. Обсуждаем роман Ч. Айтматова «Плаха» // Студенческий меридиан. 1987. № 10. С. 48-53.
8. Померанц Григорий, Миркина Зинаида. Великие религии мира. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. 208 с.
9. Шохин В.К. Философия религии и её исторические формы (античность – конец XVIII в.). М.: Альфа-М, 2010. 784 с.

References (transliteration):

1. Aitmatov Chingiz. Plakha // Roman-gazeta. 1985. № 11-12.
2. Aitmatov Chingiz. Plakha. I dol'she veka dlitsya den': Romany. Riga: Liesma, 1986. 605 s.
3. Aitmatov Ch. Tsena – zhizn' // Literaturnaya gazeta. 1986. 13 avgusta. S. 4.
4. Aitmatov Ch. Boston, Kochkorbaev v romane i zhizni // Literaturnaya gazeta. 1987. 18 marta. S. 6.
5. Aitmatov Ch. Radi nashikh detei // Sovetskaya kul'tura. 1987. 15 maya. S. 2.
6. Kosorukov A. «Plakha» novyi mir ili novaya real'nost'? // Nash sovremennik. 1988. № 8. S. 141-152.
7. Obsuzhdaem roman Ch. Aitmatova «Plakha» // Studencheskii meridian. 1987. № 10. S. 48-53.
8. Pomerants Grigorii, Mirkina Zinaida. Velikie religii mira. M., SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2012. 208 s.
9. Shokhin V.K. Filosofiya religii i ee istoricheskie formy (antichnost' – konets XVIII v.). M.: Al'fa-M, 2010. 784 s.